

ПРОЕКТ «РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ — 2016» КАК КУЛЬТУРНЫЙ СЮЖЕТ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В. О. Кальпиди¹

Дается методологическое и методическое описание сюжет-проекта «Русская поэтическая речь — 2016», нацеленного на выявление, демонстрацию и исследование срезá современной русской поэзии. Описываются основания сюжет-проекта, его идеология, издательская и продвигенческая составляющие; приводятся некоторые статистические итоги проекта. Рассматривается механизм осмысления и проектирования возможностей русской поэзии вплоть до сверхзадачи — создания новой гуманитарной идеологии; предлагаются некоторые подходы и действия, призванные побудить поэзию и поэтов к поиску целей существования русской поэзии. Русская поэтическая речь рассматривается как единое целое, требующее новых стратегий чтения и понимания, а издательская часть сюжет-проекта «Русская поэтическая речь — 2016» — феномен, позволяющий каждой группе из триады «поэт-читатель-ученый» углубить понимание и знание современной русской поэзии.

Ключевые слова: современная русская поэзия, поэтическая речь, антология, анонимный текст, новые гуманитарные технологии, сюжет-проект.

Совершенно очевидно, что русская поэтическая речь (РПР) и русская поэзия как самый эффективный инструмент *этой речи* еще не исполнили своего предназначения. Можно сказать, что цели и возможности РПР не проявлены, поскольку в основе своей не осознаны (или забыты) современными участниками процесса. С другой стороны, *те-ло* русской поэзии достигло такой массы и такого разнообразного качества, что надеяться на то, что *оно* само *вспомнит* свою миссию, не приходится. Для того чтобы русская поэзия начала движение и наконец-то перестала бездумно накапливать *стихомассу*, ее надобно разбудить. Для этого годится любой культурный шокер. В нашем случае им стал сюжет-проект² «Русская поэтическая речь — 2016» (РПР-2016).

¹ Независимый исследователь,
Челябинск, Россия.

Поступила в редакцию 09.06.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-7

© Кальпиди В. О., 2017

² Чем культурный сюжет отличается от культурного проекта? Цели проекта ясны и достижимы. Цели культурного сюжета — пластичны и творчески непредсказуемы. Проект на какой-то период увеличивает культурную массу жизни. Сюжет имеет возможность эту жизнь изменить. Финал любого проекта — самоликвидация. Финал сюжета — саморазвитие.

Скрытые основы русской поэтической речи:

- русская поэтическая речь как философская система;
- русская поэтическая речь как моральный кодекс;
- русская поэтическая речь как пророчество;
- русская поэтическая речь как институция надежды;
- русская поэтическая речь как инструмент создания реальности.

Локальные цели сюжет-проекта «Русская поэтическая речь — 2016»:

– выявление, демонстрация и исследование среза современной русской поэзии за конкретный период времени (без учета: репутационного давления, социально-культурных статусов поэтов, принадлежности поэтов к той или иной литературной группе, шаблонов восприятия текстов и личностей, личных отношений и прочего, не касающегося непосредственно текстов стихотворений);

– ознакомление современных поэтов с творчеством коллег до уровня средней компетенции, то есть до осознания непротиворечивости любых творческих векторов развития;

– ознакомление представителей академической науки с достижениями современной русской поэзии до уровня высокой компетенции;

– организация масштабного исследования читательского восприятия современных поэтических текстов;

– продвижение новой культуры чтения поэтических текстов и новой культуры их восприятия.

Идеология проекта

Мы³ исходим из положения, что современная русская поэзия — это не сумма индивидуальных поэтических практик, а интегральные взаимоотношения того, что эти практики достигли, и того, чего они не достигнут никогда, находясь в состоянии персонификации, то есть индивидуальной разорванности. Русская поэтическая речь в нашем понимании — это не гипертекст, а единый непротиворечивый и непрерывный поток, направленный в сторону, где пребывают в своей естественной неопознанности истинные цели существования русской поэзии. Возможно, что в ходе данного проекта может появиться инструмент, с помощью которого получится приблизиться к пониманию этих целей.

Имена собственные имеют значение на фоне малых культурных пространств. На оперативных просторах культурных ландшафтов в

³ Мы — это В. Кальпиди и М. Волкова. У Д. Кузьмина — своя самооценная позиция.

силу вступают иные законы. К слову, такое положение дел напоминает противоречие между общей теорией относительности и квантовой механикой. Мы исходим из того, что законы и правила — это не сущности реальности, а всего лишь приемы ее описания теми способами, какими она (реальность) это нам позволяет сделать в данный момент. Своим проектом мы пробуем найти новые способы описания актуальной поэтической речи. Впрочем, РПР актуальна всегда. Не актуальны способы ее актуализации.

Издательская составляющая проекта

Редколлегия проекта

Кальпиди Виталий Олегович — автор сюжет-проекта «Русская поэтическая речь — 2016», участник редакционной коллегии двухтомника РПР-2016. Русский поэт, автор 11 книг, стихи переведены на 15 языков, лауреат литературных премий им. А. Григорьева, им. Б. Пастернака, Большой премии «Москва-транзит», «Slovo» и др. Автор проекта «Уральская литература — новая реальность», следствием которого стало создание Уральской поэтической школы. Издатель более 70 книг уральских писателей. Реализовал ряд культуротворческих проектов, среди которых «Антология современной уральской поэзии» (три тома: 1996, 2003 и 2011 годы), «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» (2013), ГУЛ-2014 («Галерея уральской литературы») совместно с М. Волковой. Электронный ресурс: www.marginaly.ru

Волкова Марина Владимировна — участник редакционной коллегии двухтомника РПР-2016. Издатель, культуртрегер, автор и организатор десятков проектов продвижения чтения и литературы. Современной поэзии посвящены проекты ГУЛ («Галерея уральской литературы» и «Год уральской литературы»), организованные совместно с В. Кальпиди; «Современная поэзия. Современный человек» в соавторстве с А. Переверзиным (издательство «Воймега»); «Москва-Урал: поэтический транзит» совместно с А. Коровиным и Литературным радио и др. Основной сайт <http://mv74.ru/>, страницы поэтических проектов <http://mv74.ru/gul/>, <http://mv74.ru/gul/sovropoeziya.html>

Кузьмин Дмитрий Владимирович — участник редакционной коллегии первого тома РПР-2016. Русский поэт, переводчик, издатель, филолог. Автор книги стихов (малая премия «Московский счет» за лучшую дебютную книгу года), стихи переведены на 12 языков. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах России и

США, соавтор учебника «Поэзия». Редактор-издатель журнала поэзии «Воздух» (вышли 29 номеров) и издательства «АРГО-РИСК» (выпустило около 400 книг), составитель шести антологий поэзии и малой прозы, основатель интернет-проектов «Вавилон: современная русская литература» (<http://www.vavilon.ru>) и «Новая карта русской литературы» (<http://www.litkarta.ru>).

Том 1-й: книга «Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов»⁴, где представлены ранее не публиковавшиеся подборки 115 современных поэтов России и зарубежья, пишущих на русском языке, без указания авторства текстов. Поэтам предлагалось предоставить для проекта нигде не опубликованные (в том числе в соцсетях) стихотворения объемом в 180–200 строк (объем, способный создать поэтический контекст), отвечающие нынешней практике автора (или специально написанные стихотворения в естественной для поэта манере), любой тематики и формы воплощения. Подборки стихотворений были анонимно (под случайным номером) опубликованы в книге. Авторы брали на себя обязательство не разглашать тайну авторства до 10.03.2017 года. После этого срока они могли как открыть свое имя, создав дополнительную интригу, так и продолжать оставаться в анонимном поле, продлевая чистоту проектного замысла. Первый том вышел в свет 10.11.2016 года.

Том 2-й: сборник критических и аналитических статей «Русская поэтическая речь — 2016. Аналитика: тестирование вслепую»⁵. Материалы сборника представляют собой аналитическую, критическую и статистическую рефлексии на стихи, опубликованные в «Антологии анонимных текстов», которые продемонстрировали представители академической науки, свободные филологи, критики, читатели... Шестьдесят авторов с той или иной степенью заинтересованности и компетентности собрали интеллектуальный консилиум и со скоростью передовой диагностики опубликовали результаты своих исследований и размышлений, а если таковое было невозможно — просто озвучили свою заинтересованность репликами, поддержав тем самым драматическую и интеллектуальную напряженность книги. Второй том вышел в свет 19.04.2017 года.

⁴ *Русская поэтическая речь — 2016. Т. 1 : Антология анонимных текстов.* Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2016. 568 с.

⁵ *Русская поэтическая речь — 2016. Т. 2 : Аналитика: тестирование вслепую.* Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2017. 688 с.

Образ поэта: слово «анонимных» в названии первого тома проекта РПР-2016 будоражило многих, провоцируя на игру в «сыщиков». Чтобы импульс этого любопытства, перемешанный со штампами восприятия стихов, не пропал даром, мы придумали проект «Образ поэта». Читатель мог выбрать любую главу из Антологии и, основываясь на ее содержании, «сочинить» автора. А чтобы сочинительство шло веселее, мы предложили примерный план описания образа поэта. Результаты опубликованы во 2-м томе проекта.

Изучение читательского восприятия: как только стали приходить первые подборки стихов для «Антологии анонимных текстов», составители первого тома В. Кальпиди и Д. Кузьмин отбирали для анкетирования по одному стихотворению из подборки, а М. Волкова организовывала анкетирование читательского восприятия данных текстов. Анкетирование проводилось в библиотеках, учебных заведениях, книжных магазинах, литературных кафе, салонах, во время переговоров и встреч, в «нелитературных» местах (поезд, аэропорт, поликлиника и пр.) в 34 населенных пунктах РФ. Предварительные результаты исследования опубликованы во 2-м томе проекта.

Том 1-й: «Антология анонимных текстов». Теория и практика

Поэзия – это не имя, а во Имя.

Итак, мы исходили из предположения, что современная русская поэзия – это единый и неделимый поток, и рассматривать его надо именно таковым. Для этого необходимо было предложить адекватную форму демонстрации поэзии, чем и стала *антология анонимных текстов*. Сразу оговоримся, что анонимность в нашем случае – всего лишь тактика, а не стратегия.

Мы обратились к 247 современным поэтам с предложением участвовать в проекте. Справедливости ради скажем, что подавляющее большинство авторов, не вошедших в Антологию, просто технически не смогли за столь короткий срок написать новые стихи и выразили по этому поводу искреннее сожаление. Те же, кто по идеологическим соображениям не собирался участвовать в РПР-2016, обозначили причину (практически слово в слово) как «нежелание участвовать в подобных играх», обращая это определение к пункту «анонимности публикаций». Мы с пониманием отнеслись к этой позиции, тем не менее осознавая, что ставить внутри нашей насквозь интертекстуальной культуры свое имя над более или менее новой «фонетической комбинацией» – вещь менее обдуманная, нежели адекватное пребывание в анонимной среде.

Мы настаиваем на том, что имеют место персональные «репутационные пузыри», встроенные в навигационные карты современных культурных сценариев. И речь не идет о заслуженной или незаслуженной репутации. Речь идет о том, что любая репутация — «пузырь», сквозь который смотреть на реальность могут лишь те, кто реальностью этой самой реальности не очень-то озабочен. Путь художника начинается с самоутверждения, но не может не закончиться самоотрицанием. В противном случае перед нами художник-недоросль. Уязвимость такой нашей позиции очевидна, но нарочитая уязвимость — это часто всего лишь стилистическая особенность логики мышления, и не более того.

Итак, в книгу вошли 115 подборок (глав). Поэтому немного арифметики: в современной русской поэзии внутри каждого отдельно взятого поэтического поколения есть примерно 12–20 имен, которые влияют на «стилистическую ситуацию» больше, чем ситуация влияет на них⁶. Каждое новое поколение *физически* входит в литературное пространство раз в семь лет. В каждый отдельно взятый момент в демографическом пространстве должно находиться восемь активных поколений (в реальности все-таки семь), если учитывать, что самое младшее имеет возраст входа — 21 год от роду⁷. Делаем вывод, что цифра 115 находится в зоне допустимой компетенции.

Существенный вопрос: кто и на каком основании производил отбор авторов, приглашая их в проект? Составителями выступили Ваш покорный слуга, Виталий Кальпиди, и Дмитрий Кузьмин. Наши во многом альтернативные литературные предпочтения должны были предельно раздвинуть и раздвинули спектр стилистического разнообразия антологии анонимных текстов. Естественно, об исчерпанности спектра речь не идет. Вообще-то никакой объективности, о которой говорили на круглых столах многочисленные инициаторы этого вопроса, причем с уже готовым негативным для составителей ответом, нет в принципе. И всегда кто-то должен принять на свой счет сверх-

⁶ Утверждение, что каждый отдельно взятый культурный фрагмент располагает только одним-тремя-шестью гениями, чье творчество является решающим в данную эпоху, мы здесь даже не рассматриваем по причине его исторической нечестности и, что менее важно, очевидной архаичности.

⁷ Арифметически первое и самое старшее поколение дают вместе 15–20 имен по причине еще не полной творческой проявленности в первом случае и физического убытия во втором. Повторим, что мы рассматриваем в данном случае арифметический аспект и оставляем за скобками разность эстетического напряжения, которое сильно заметно на полюсах и практически находится в симбиозе в середине всей поколенческой линейки.

справедливое: «А кто тебе, сука, дал право включить рубильник?» И тут же ответить: «Мне никто не давал этого права. Просто рубильник сам выбрал меня по причине того, что я создал его в своем воображении». Бог является богом, потому что он *всегда и постоянно* бог, а человек может взять на себя роль бога (то есть просто сделав выбор за других) совсем ненадолго, неизбежно *попадая* в дьявольскую ситуацию и тут же получая за это по полной программе. В нашем случае мы с Дмитрием Кузьминым сыграли роль не столько «бога из машины», сколько черта из табакерки, запустившего музыкальную шкатулку сюжета.

Но это не последний «пассив» проекта. Обозначим и другие⁸.

А. Мы, например, не смогли привлечь (по разным причинам) одиннадцать выдающихся поэтов, чье творчество традиционно рассматривается сегодня как «необратимое присутствие» в современной русской поэзии. Тем не менее смеем утверждать, что это никак не повлияло на показатели качества поэтических текстов.

Мы получили не сборник стихов, а роман, но не «роман в стихах», а «роман стихов», поделенный на главы, где каждая глава, хочет она этого или не хочет, является основанием и оправданием следующей. Безусловная одаренность большинства современных русских поэтов очевидна. Вот только одна из *технических* причин «вынужденной талантливости» современной русской поэзии такова: в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века стало ясно, что творческая интеллигенция в очередной раз демонстративно предала свой народ (до этого она предавала его не так демонстративно)⁹. Читающая часть этого народа, как следствие, отвернулась от современной литературы — и правильно, добавим мы, сделала. Отвернулась она и от поэзии, к которой, к слову, всегда стояла вполоборота. Читательская масса так сжалась, что стало позволительно говорить уже только о референтном круге, состоявшем из истинных ценителей поэзии, самих поэтов и примкнувших к ним желающих стать таковыми. В силу этих обстоятельств профессионализм восприятия поэтического текста естественным путем

⁸ Именно на этих проблемах часто настаивали участники круглых столов, посвященных публикации 1-го тома «РПП-2016. Антология анонимных текстов».

⁹ Интеллигенция не предала бы народ, если бы наконец-то отказалась от лжи, что она защищает его интересы. И все бесстыдство ситуации испарилось бы, «как с белых яблонь дым», а творческая интеллигенция самоопределилась бы как культурная корпорация, обслуживающая исключительно свои интересы на основе вырабатываемых идеологием, и эти интересы иногда пересекались бы с интересами большинства народонаселения, но и только.

вырос, и вырос очень сильно: конкуренция внутри среды увеличилась на порядок в течение пары-тройки лет. Читателей, которых в свое время «обслуживали» недопоэзия и околопоэзия (а они, в свою очередь, обслуживали ее), не стало — они естественным путем вышли из зоны заинтересованности. Поэты же, напротив, сплотились на уровне приоритетов языковой свободы и стали позволять себе то, что и должны были себе позволять, но уже под чутким оком своих собратьев, что не давало «расслабиться». Напротив, приходилось держать высокую планку, ниже которой не позволялось упасть в принципе. Пищевая цепочка (поэт — текст — читатель — текст — поэт) разрушилась, настала роскошная по своим возможностям эпоха «неограниченной эстетической дегустации». Уровень поэзии как искусства управления словом вырос в разы, одновременно отдаляясь от тупиковой цели, коей является управление (манипулирование) читателем, который к тому времени практически исчез. Образовалось и длится до сих пор идеальная ситуация для понимания смысла поэтического творчества. Образовалась, но не реализовалась. Таким образом, мы утверждаем, что качество поэтического материала «Антологии анонимных текстов» соответствует экспертному уровню и находится в зоне «очевидной одаренности и таланта».

Б. Предположение, что 115 поэтов отдали в книгу свои не самые лучшие тексты и этим нарушили аксиологический ценз современной поэзии, блокируется следующими обстоятельствами: во-первых, мы вообще отрицаем пиковые уровни этого ценза на таких обширных пространствах (почти 21 тыс. строк); во-вторых, нас интересовали информационные, эстетические, философские, мистические и т. д. потоки и тенденции, а не оригинальность декорирования их трактовок; в-третьих, на таком большом поэтическом ландшафте не могли не проявиться (и они проявились) все семь актуальных поэтических технологий (поэтик) РПР, а сведение их в одно время и в одном месте было одной из главных задач проекта, со всеми вытекающими и не вытекающими отсюда последствиями, о которых мы еще скажем ниже.

Ориентируясь на сверхзадачу 1-го тома проекта, сделаем несколько спорных заявлений.

Первое: современные русские поэты вертикально дрейфуют внутри РПР и, дрейфуя, то и дело обнаруживают принадлежность к следующим группам:

- 1) создатели русской поэтической речи;
- 2) художники русской поэтической речи;
- 3) пользователи (хранители) русской поэтической речи.

Наибольшим уважением среди референтного круга пользуются художники РПР, а среди литературной публики — пользователи (хранители). Заметим, что один и тот же поэт может за свою жизнь сыграть все три роли, хотя первая — создатель РПР — неуловима для литературоведческого определения, так как ее практика лежит, возможно, в до-стихотворной зоне.

Второе: поэзия — это уникальная платформа (почти операционная система) для эффективного взаимодействий различных уровней невежеств... Поэты в момент записи поэтического текста (а читатели при знакомстве с ним) используют знания с таким низким профессиональным порогом и такими вольными трактовками очевидных вещей, что иначе как невеждами (в физике, химии, социологии, астрономии, астрофизике, этике, эстетике и далее — со всеми остановками) их назвать не получится. При этом между поэтами, да и между читателями, устанавливается уникальный духовный и «экспертный» консенсус, который невозможен ни в каком другом непсихиатрическом обществе. Более того, поэзия предоставляет (и поэту, и читателю) возможность с любого уровня личного невежества практически без подготовки выйти на финишную прямую гуманитарного познания истины, какое оно только и бывает возможно в данный цивилизационный фрагмент. Да, эта возможность ограничена во времени, ее формулировки нестойки и подвержены постоянной ревизии и саморевизии, но они точно ощущаются как избыточно прекрасные и гуманные вне зависимости от принадлежности участников процесса к какой-либо части профессионального или, например, интеллектуального спектра.

Третье: РПР-2016 ставит задачу осмыслить структурные возможности нынешнего русского художественного сознания на фоне новейших культурных деградаций, с которыми столкнулось наше общество. Русская поэзия и современный российский менталитет вступили в зону исторического симбиоза, допустить который было бы неверно с точки зрения выполнения миссии, начертанной русскому стиху.

И последнее: возможно, сама русская поэтическая речь давно исчезла, а современная поэзия — это просто ее случайно сохранившийся *гонор*. Тогда возникает вопрос: можно ли на основе этого реликта (*гонора*) воссоздать поэтическую речь со всеми ее демиургическими возможностями? Ответ на него знает, полагаем, не наука, а энтузиазм отвечающего.

Важно еще раз подчеркнуть, что анонимность — это всего лишь техническое условие проекта РПР-2016, которое, впрочем, стало главным предметом обсуждения на круглых столах.

Том 2-й: «Аналитика: тестирование вслепую». Теория и практика

Надежда – это идеальное будущее, потому что у нее нет и не может быть прошлого.

Сюжет-проект РПР-2016 – это предельно точный ответ на несформулированный вопрос. И вообще реальность – это ответы большей частью на несформулированные вопросы, потому она и кажется такой непредсказуемой.

У нас была мечта. Нам очень хотелось, чтобы 2-й том РПР-2016 сыграл роль сборника «Вехи» (1909), который в свое время выдал творческой интеллигенции этакое «мировоззренческое техзадание». Можно сказать, что Серебряный век русской поэзии – это разнокалиберные и альтернативные ответы на читательские запросы, сформулированные авторами «Вех». И это вполне логично, поскольку поэзия, судя по всему, является хаосом второго уровня, то есть реагирует на предсказания о себе.

Уже на первых круглых столах, посвященных выходу 1-го тома «Антологии анонимных текстов», пришло понимание, что современная поэзия требует:

- иной демонстрации, включая создание новых поэтических пространств;
- нового прочтения;
- нового понимания.

Одним из примеров новой демонстрации стала сама «Антология анонимных текстов».

Новое прочтение – это способность читать современную поэзию исчерпывающими (очень большими) объемами. Чтобы русская поэзия имела шанс передать нам свой дар, ее нужно (и можно) знать полностью, а не довольствоваться избранными «любимыми поэтами», что сродни использованию при чтении не всего алфавита, а только нескольких любимых букв. Только в этом случае можно будет говорить о создании предпосылок «нового понимания». И мы обратились к коллегам: «Вы хотите любить поэзию, но вы не хотите при этом ее знать. Вы выбираете своих фаворитов, а на других смотрите как на изгоев. Но обожать только отдельных поэтов – это с точки зрения всей поэзии примитивный фетишизм. А обожать одну часть и ненавидеть другие – фашизм. Мы не призываем любить все части, из которых состоит поэзия, мы призываем понять, что нет никаких частей».

Философия 2-го тома РПР-2016 виделась нами довольно ясно: русская поэтическая речь должна сформировать новое русское поэтическое мышление. А уже оно может сформировать новую русскую поэтическую жизнь. Нам казалось, что попытка создания новой русской поэтической жизни — это и есть настоящее и единственное следствие понимания поэзии.

Новое поэтическое мышление — это прежде всего демонстрация духовного превосходства поэтического сознания над рисками деградации русской культуры. Одним из исключительных проявлений этой культуры есть и будет оставаться поэзия. Могут появиться российское кино, российский театр, даже российская проза, но поэзия была и остается только русской, и никакой иной она в принципе быть не сможет, ибо является неочевидным продолжением тайн и возможностей русской языка, а стало быть, и русского дореволюционного сознания. Любой поэт какой угодно (по рождению) национальности, вступающий в раскаленную плазму практики русского поэтического сознания, начинает (хочет он этого или не хочет) выполнять генетическую программу этого поэтического сознания. И чем дальше он (по рождению) от этой программы отстоит, тем истовее это будет у него получаться. Такова логика ментальных взаимодействий. *Поэзия дана нам не для создания гениальных стихотворений, а для того, чтобы мы могли измениться. Чтобы мы почувствовали язык ангелов. А в крайнем случае — чтобы взяли и просто создали этот язык. Чтобы научились говорить на нем друг с другом. Чтобы, научившись этому, стали бы жить по ангельским законам. Только такая сверхзадача оправдывает, поддерживает и наполняет будущим русскую поэзию.*

Именные лейблы — это дань цивилизации, которая ставит во главу угла гиперценность личности, отрицая то, что личность — промежуточное состояние развития человеческих существ. Ну, да бог с этим. Важно, что идентификация в искусстве — абсолютно анкетная, а не творческая проблема. Мы провели эксперимент-«угадайку»: предложили критикам и литературоведам угадать, кто именно из современных поэтов участвует в «Антологии анонимных текстов». Большинство экспертов попросту «струсили» и промолчали, хотя «до того как» утверждали, что они без труда узнали примерно треть. Те же, кто решился ответить, не смогли угадать больше пяти (включая даже своих друзей, о которых писали десятки раз). И это из 115 авторов! Мы уверены, что неопределенность имени говорит о феноменологической «незакрепленности» того или иного поэтического текста за его номинальным автором. Конечно, можно отличить Бальмонта от Маяковского (не всегда), а Заболоцкого от Вознесенского (не всегда), но если

представить всю кристаллическую решетку русской поэзии, то подобные «узнавания» будут балансировать на грани погрешности нижнего ряда. И это — неопровержимый факт. Все якобы казусные филологические анекдоты, рассказывающие о том, как уважаемая и академическая профессура не может угадать авторство стихов Пушкина, Лермонтова, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой — это не анекдот, а норма. При этом лично мы ничего не имеем против авторства. Более того, мы отдаем себе отчет, что в бартовской формуле о смерти автора безусловно только то, что в 1980-м скончался ее (этой формулы) автор.

Второй том проекта РПР-2016 «Аналитика: тестирование вслепую» собрал 60 авторов очень разной гуманитарной градации: представители академической филологической науки, профессиональные критики, свободные гуманитарные агенты, поэты, прозаики, философы, социологи, математики, психологи, книжный график, орнитолог и т. д. По сути, 2-й том стал тестом на проницательность и качество восприятия современным интеллектуальным сообществом современной русской поэзии. И 60 авторов 2-го тома по факту стали его авангардом по причине своей проницательности, бескорыстия, заинтересованности, чуткости к новому, встроенности в сам процесс делания культуры как таковой. Практически мы получили коллектив, способный оперативно решать многопрофильные гуманитарные проблемы, которые выходят уже далеко за рамки проекта РПР-2016.

Книга по специфике опубликованных в ней работ разбита на три раздела (исследования, размышления, реплики) и приложение, где собран большой и разнообразный справочный материал.

Со своей стороны считаем преждевременным и неправильным давать какие-либо комментарии и оценки этим работам. Тем не менее некоторые свои впечатления и мысли, возникшие при знакомстве с «аналитикой вслепую», считаем возможным высказать.

1. Чтобы русская поэзия могла передать свой дар, ее нужно знать *исчерпывающе полностью*; то есть использовать весь ее «алфавит», а не довольствоваться избранными (любимыми) «буквами» (поэтами).

2. «Антология анонимных текстов» будет анонимным феноменом, даже если возле каждой главы написать имя ее автора, потому что то впечатление, которая она оставляет даже при половинном прочтении, намного ярче и естественнее, чем шаблоны восприятия, которыми мы пользовались до этого. Мы утверждаем, что при заинтересованном точном чтении антологии уже к середине книги полностью меняется матрица восприятия поэтического текста. Может быть, этим объясняется тот любопытный факт, что на сегодняшний день только четверть авторов 1-го тома открыли свои имена.

3. Конфликтность русской поэтической практики не связана с силлаботоникой и верлибром. Верлибр, будучи куда более архаичной формой, не противоречит своему тоническому наследнику. В их искусственном противостоянии замешан не творческий потенциал, а «неандертальские» представления о свободе. К слову, судя по практике, тот запас эффективной свободы, который имел русский верлибр, исчерпан немного более чем полностью. Достаточно провести тест Тьюринга, используя верлибр, а потом то же сделать с рифмованной силлаботоникой. Результат предсказуем. При этом свобода в поэзии — одно из условий движения, а не абсолютное достоинство. «Рабство» иногда бывает куда более эффективным.

4. Необходимо предложить новую технологию взаимопонимания и технологию доверия между читателями и поэтами. Например, может быть интересной аналогия двух парадигм: «автор — текст — читатель» и «Бог отец — Бог сын — Святой Дух».

6. Поэзия сейчас активно нарабатывает материал «новой пошлости», без которой никакая гуманитарная система не будет устойчивой и продуктивной.

7. Стоит каждые три года создавать книгу анонимных поэтических текстов, но уже не раскрывая авторство вообще. Не знаю, зачем эти «капсулы поэтического времени», но есть ощущение, что именно они (такие книги) со временем послужат важнейшим источником для понимания основ новой гуманитарной идеологии.

8. Имеет смысл создать именную антологию (она же энциклопедия) современной русской поэзии начала XXI века, которая, полагаем, будет насчитывать от 600 до 1000 поэтов. Для такого издания нужно выработать новые принципы отбора и демонстрации поэтических текстов, а также обновить научный аппарат гуманитарных и биографических маркировок поэтов. Эту огромную (сколько нужно страниц, столько и будет) книгу уже ждут поэты и читатели, хотя в существовании последних лично мы до РПР-2016 сомневались. Если представить, что поэзия — некая субстанция, то ей всегда суждено принимать форму читателя, как жидкость принимает форму бутылки. Но книга, о которой здесь идет речь, поможет читателю принять форму поэзии.

9. Невероятной может получиться давно ожидаемая книга женской поэзии. Если учитывать тот факт, что поэты оккупировали как минимум 30 % исключительно женских эмоций, а поэтессы то и дело фиксируют вес брутальности с жесткой аксиологией, то такая книга, выполненная ответственно и честно, может описать действительное по-

ложение дел, где чуть ли не половина всей поэтической территории — «спорная земля», самой поэзии, возможно, совсем не принадлежащая. Философские и технологические решения при издании женской антологии могут оказаться избыточно конфликтными, но и очевидно прорывными.

10. Стоит попробовать провести творческую ревизию тем и сюжетов русской поэзии. Это, например, такие темы, как Родина, любовь, мать и материнство, любовный многоугольник, смерть (сейчас смерть — всего лишь «граница моего воображения»), город и исчезнувшая деревня, дети (здесь нас очень волнует механизм превращения ангелов в монстров), наркотические стимуляторы и прочее, и прочее, я уже молчу про тему отделения религии от конфессий и бога от религии. В решении и даже описании данных тем поэзия отстает от реальности лет на 70. Мы мечтаем предложить, например, 20–30 авторам в течение, допустим, года поработать над этим.

11. Поэзия вступила в полосу несовместимости с новым технологическим миром. И все-таки будущее — за альтруистскими технологиями. За альтруистской моралью. А стало быть, и за альтруистским творчеством.

12. Все шаги, ведущие к истине, — ложны, потому что пространство, окружающее истину, — по определению ложь, но эти шаги необходимо сделать, невзирая на естественную при этом «потерю лица».

13. Из опыта РПР-2016 становится ясно, что бездарность — это болезнь, которую мы вылечили. Осталось понять: что нам с нашей талантливостью делать?

14. Революцию в поэтической рефлексии совершат компьютерные программы аналитического рецензирования с онлайн-обновлением стандартов компетенции. Программы будут способны обрабатывать абсолютно всю издаваемую продукцию, а точнее — вообще всю продукцию. Развивать эту тему дальше не имеет смысла. Скажу только, что роль профессиональных критиков будет возрастать в направлении абсолютной честности, объективности и ответственности. Нужно создать журнал-холдинг, посвященный исключительно поэтической критике. Нынешние критические отделы в журналах и СМИ — даже не насмешка.

15. Создание фрагмента идеальной культуры в рамках неидеального государства возможно. Занятие поэзией — это независимое от рынка услуг (независимое от нынешних и будущих профессиональных рисков) занятие. Поэзия — идеальный материал. Поэты — самая

некоррупцированная среда. Они восторженны и сентиментальны, честны и благородны. И в обычных обстоятельствах поведут себя именно таким образом. Осталось только добиться, чтобы они и в неблагоприятных обстоятельствах повели себя так же.

16. Нужны масштабные эксперименты-шокеры. Например: объявить премиальный мораторий (для начала на пять лет), объявить безалкогольный период русской поэзии. Убежден, результаты будут ошеломляющие. На всякий случай скажу: любая идея содержит в себе и глупость, и ум. Так вот, умные люди при общении с любой идеей обращают свое творческое внимание не на ее глупость.

17. Хорошие или плохие стихи перед нами — не имеет значения. Хорошие — просто читать приятно. Но в теории больших поэтических чисел либо все хорошие, либо все — плохие. Вопрос не в этом, а в том, могут ли люди, пишущие русские стихи, изменить русскую жизнь, и если да, то каким образом? Если нет, то могут ли они изменить лакуны этой жизни, то есть поэтическую жизнь?

19. Стать жертвой творчества или пожертвовать творчеством — два пути, лежащие перед художником. И надо помнить, что неправильный выбор всегда выглядит предпочтительней.

20. Если пользоваться истиной, не соблюдая инструкции, вы получите первоклассную ложь. А если пользоваться ложью, следуя при этом инструкции по эксплуатации истины, то получается лирическая поэзия.

21. Попробуем обнулить традицию и прочесть РПР как книгу бытия.

23. Только длительность и интенсивность пребывания в интеллектуальном поле дает результаты, поскольку длительность и интенсивность неизбежно приводят к пониманию, что надо наконец-то переходить от размышлений к реальным действиям.

22. Быть современным художником можно в 20—25 лет. После 30 — поэт обязан создать свое время, его и отстаивать. А постоянно пытаться «идти в ногу со временем» — это значит хромать чужой хромотой.

23. Художественное поколение — не что иное, как осознанная синхронизация усилий собственно самого творчества и его аналитики, то есть поэтов и филологов. Только в этом случае поколение может выполнить свою сверхзадачу — создать *свою гуманитарную идеологию*. Именно эта гуманитарная идеология через прямой конфликт будет удерживать идеологию и практику технического прогресса от скатывания последнего в «каннибализм».

Об авторе

Кальпиди Виталий Олегович, поэт, издатель, литературный критик, культуртрегер, Россия.

E-mail: kalpidy@yandex.ru

Для цитирования:

Кальпиди В. О. Проект «Русская поэтическая речь – 2016» как культурный сюжет современной русской поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №1. С. 98 – 113. doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-7.

THE 'RUSSIAN POETIC SPEECH – 2016' PROJECT AS A CULTURAL NARRATIVE OF MODERN RUSSIAN POETRY

V. O. Kalpidi¹

¹ Independent Researcher
Chelyabinsk, Russia

Submitted on June 9, 2017

This article presents a methodological description of the 'Russian Poetic Speech – 2016' narrative project aimed to identify, demonstrate, and study a cross-section of modern Russian poetry. The author addresses the foundations of the narrative project, its ideology, as well as its publication and promotion components. The article explores the mechanism for understanding and using the power of Russian poetry and addresses its ultimate goal – the creation of a new humanitarian ideology. The author proposes approaches aimed at encouraging poets to search for the goals of Russian poetry. Russian poetic speech is analysed as a coherent whole that requires new strategies for reading and understanding. The publication component of the project is a phenomenon that allows poets, readers and scholars enhance their understanding and knowledge of modern Russian poetry.

Key words: modern Russian poetry, poetic speech, anthology, anonymous text, new technology in the humanities, narrative project.

About the author

Vitaly O. Kalpidi, poet, publisher, literary critic, culture enthusiast, Russia.

E-mail: kalpidy@yandex.ru

To cite this article:

Kalpidi V. O. 2017, The 'Russian Poetic Speech – 2016' Project as a Cultural Narrative of Modern Russian Poetry, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 1, p. 98 – 113. doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-7.